

армии на общих основаниях. Например, в 1827 г. рекруты Витебской губерний были отправлены на пополнение 7-й и 8-й пехотных дивизий, а также 1-й и 2-й гренадерских дивизий. Физически наиболее крепких рекрутов ждала отправка в гвардию [1. л. 13–14]. 7-я пехотная дивизия была расквартирована в Екатеринославской и Полтавской губерниях, 8-я – Киевской и Волынской, 1-я и 2-я гренадерские – Новгородской, а гвардейский корпус – в С.-Петербургской [5. с. 271–296, 555–579].

Заключение. Период 1815–1830 гг. – является особенным в истории рекрутской повинности белорусско-литовских губерний. В этот период большая часть рекрутов региона проходило службу в Отдельном Литовском корпусе, расквартированном на территории западных губерний. В связи с реформированием Отдельного Литовского корпуса и ликвидацией его этноконфессиональных особенностей белорусских рекрутов вновь стали распределять в воинские части, расположенные вдали от их Родины.

Список литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 333. Оп. 6. Д. 9. Цирюляры и расписание инспекторского департамента главного штаба Е.И.В. о распределении рекрут 91 набора; ведомость Минской казенной палаты о числе лиц, принятых в рекруты по 91 очередному набору; рекрутские списки вольных хлебопашцев Новогрудского уезда. – 15 мая–8 ноября 1827. – 382 л.
2. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 644. Дело о рекрутском наборе по губерниям России 28 августа 1824 г. – 2 сентября 1825 г. – 382 л.
3. Николаев, Е.П. История 50-го Пехотного Белостокского его высочества герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807 – 1907 гг. / Е.П. Николаев. – СПб.: т-во Р. Голике и А. Вилборг, 1907. – 426 с.
4. Павлюк, К.К. История 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка: в 2 т. / К.К. Павлюк. – Одесса: типо.-лит. штаба Одесс. воен. окр., 1909. – Т. 1. – 490 с.
5. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. – СПб.: Военная тип. Главного Штаба Е.И.В., 1828. – 1042 с.
6. Столетие Военного министерства. 1802 – 1902. – Т. IV. Главный штаб. Исторический очерк. Ч.1. Кн.1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I / сост. и ред. Н.П. Михневич. – СПб.: Тип. поставщиков Двора е.и.в. М.А. Вольф, 1902. – 211 с.
7. Столетие Военного министерства. 1802 – 1902. – Т. IV. Главный штаб. Исторический очерк. Ч.2. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В.В. Шепетильников. – СПб.: Тип. поставщиков Двора е.и.в. М.А. Вольф, 1907. – 330 с.
8. Prądzynski, I. Pamiętniki Generała Prądzynskiego: w IV t. / I. Prądzynski. – Kraków: drukarnia uniwersytetu Jagiellońskiego, 1907. – Т. IV. – 410 s.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБЩИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*И.В. Николаева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

История повседневности является одним из приоритетных направлений современной антропологически ориентированной исторической науки. Повседневную жизнь принято разделять на практическую и экспрессивную плоскости. В рамках первой исследуется материальное пространство повседневности (жилищная проблема, питание, одежда), а второй – социокультурное (досуг, праздники, общественные настроения и религиозные чувства). Цель данной статьи – проанализировать социокультурные изменения в повседневной жизни жителей Витебщины после нацистской оккупации 1941–1944 гг. и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе содержащейся в Государственном архиве Витебской области информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, которая освещает различные аспекты социокультурной региональной послеоккупационной ситуации, а также материалов устных источников. Методологическую основу работы составили научные принципы историзма, объективности и системности, были использованы такие методы исторического познания, как историко-описательный, историко-сравнительный, историко-системный, статистический.

Результаты и их обсуждение. Архивные документы и воспоминания современников свидетельствуют, что повседневной действительностью послеоккупационного военного периода, как взрослых, так и детей, горожан и сельских жителей Витебщины, как и республики в целом, было выживание в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, борьбы с болезнями. Преодоление, прежде всего, социально-экономических последствий войны отодвигало на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени.

Сложность послеоккупационного периода предопределила особое место образования как социокультурного фактора в системе жизненных приоритетов, как горожан, так и сельчан: образование представлялось как необходимая составляющая мирной жизни, о которой мечтали все. По мере освобождения территории от оккупации местные власти прилагали усилия по восстановлению системы общеобразовательных школ, для которых приспособлялись избы, землянки, другие уцелевшие строения. К началу 1944–1945 учебного года по области полностью было подготовлено 1158 начальных, 244 неполных средних и 29 средних школ [1, д. 15, л. 98]. В то же время основными причинами, по которым определенная часть ребят не посещали школы, в отчетах инспекторов отдела образования назывались плохое материальное обеспечение (отсутствие одежды и обуви), болезни и занятость на работе [1, д. 15, л. 29; 2, д. 21, л. 177]. Серьезной проблемой стал вопрос укомплектования школ педагогическими кадрами: докладные с районов отмечают не только низкий образовательный уровень учителей, но и отсутствие специалистов, из-за чего некоторые уже восстановленные школы не могли приступить к работе [3, д. 70, л. 3].

Духовное состояние послеоккупационного периода военного общества отражает развитие досуговой сферы. Несмотря на материальные трудности, уже в послеоккупационный период войны были сделаны первые шаги по воссозданию и налаживанию работы учреждений культуры, которым придавалось большое значение в политико-моральном воспитании населения, находившегося в течение трех лет под нацистской оккупацией. Организацию форм досуга населения определяла советская идеология. Работа культурно-просветительных учреждений осуществлялась через профсоюзы, спортивные организации, дома культуры, кружки. В сельской местности очагом культуры и местом проведения досуга являлись клубы и избы-читальни. Из имевшихся в области до войны 375 политпросветучреждений, после оккупации сохранились здания только 6 ДСК, 5 библиотек и 18 изб-читален [1, д. 15, л. 80]. Постановление бюро Обкома КП(б)Б от 5 сентября 1944 г. обязывало ГК и РК КП(б)Б с целью усиления политической и культурно-массовой работы среди населения восстановить во всех городах и районах области дома культуры, библиотеки и избы-читальни, обеспечить систематическую рассылку периодической литературы, провести районные и областной смотр колхозной художественной самодеятельности [4, д. 21, л. 4-6].

Объектом пристального внимания руководящих партийных органов стали западные районы БССР, в том числе созданной в сентябре 1944 г. Полоцкой области. Здесь дольше всего сохранялось западное влияние, существовали традиции быта и морали, отличавшиеся от советских. Власти предпринимали меры по интеграции населения этих регионов в состав БССР, восстанавливая зарекомендовавшую себя в восточных районах практику политико-воспитательной работы. На начало 1945 г. по Полоцкой области было организовано 22 ДСК, 196 изб-читален, в 12 районах созданы библиотеки [5, д. 21, л. 38]. В то же время, в практике работы послеоккупационных учреждений культуры имелись как организационные (проблемы технического оснащения, обеспечения средствами на хозяйственные расходы, приобретения литературы и доставки периодических изданий), так и профессиональные (нехватка квалифицированных кадров, отсутствие необходимого опыта работы) недочеты. В свою очередь, сельчане сами не очень стремились посещать культурно-просветительские учреждения, деревенская молодежь предпочитала по домам собираться на вечеринки, которые сводились главным образом к танцам [1, д. 14, л. 60-61].

Помимо распространения периодических печатных изданий, в областном центре и районах, в сельской местности налаживалась также деятельность агитационных бригад и агитаторов, в задачи которых входило чтение лекций и выступление с докладами о военно-политических событиях, положении на фронтах Отечественной войны, а также проведение бесед на научные темы (о строении вселенной, о происхождении человека, о причинах болезни и борьбе с ними, о научных основах земледелия и животноводства и т.д.) [4, д. 19, л. 112; д. 22, л. 39]. «Работа устного слова» была особенно актуальной в деревнях, поскольку большая часть крестьян была неграмотной.

Значительная работа проводилась по радиофикации городов и сельской местности. Уже 20 июня 1944 г. приступил к работе Областной радиокомитет, радиоузел выполнял местное радиовещание, трансляции Московских и Белорусских станций [2, д. 21, л. 38]. В то же время, радио входило в дома жителей региона очень медленно, прежде всего, в связи с нехваткой радиооборудования. Со дня освобождения территории Витебской области Областным управлени-

ем кинофикации проводилась работа по организации точек киносети в освобожденных районах и городах. Трудности вызывало то, что большинство помещений, где до войны показывали кино, было сожжено или разрушено во время оккупации. 10 августа 1944 г. в городе Витебске начал работу кинотеатр «Спартак» [2, д. 21, л. 35, 37]. В сельской местности действовали киноустановки. К началу 1945 г. по районам Витебской области было задействовано 16 комплектов киноаппаратуры, 6 звуковых и одна немая киноустановка обслуживали сельское население Полоцкой области [4, д. 126, л. 59; 5, д. 21, л. 38]. Не смотря на значительные разрушения и материальные трудности, за период с июля по ноябрь 1944 г. было продемонстрировано на экранах области свыше 30 разных фильмов, поставлен 991 сеанс. Следует отметить, что киноленты также несли на себе идеологическую печать, демонстрировались такие художественные и документальные фильмы, как «Разгром немцев под Москвой», «Сталинград», «Кутузов», «Зоя» и др. [4, д. 126, л. 61]. И хотя качество кинообслуживания оставляло желать лучшего, показ кинофильмов всегда был значительным событием на селе, а посещение кинотеатров – одной из самых любимых форм проведения досуга горожан. С 1 января 1945 г. приступил к своей постоянной работе и Белорусский государственный драматический театр имени Я. Коласа [4, д. 18, л. 33].

Большое внимание в городах уже в первые послеоккупационные месяцы уделялось развитию физической культуры и спорта. К ноябрю 1944 г. в Витебске возобновили свою деятельность 4 спортобщества: «Динамо», «Локомотив», «Смена», «Трудовые резервы». Комитетом по делам физкультуры и спорта в рамках массовой физкультурно-оздоровительной работы организовывались районные и областные спартакиады, 29 октября 1944 г. в день закрытия летнего сезона на стадионе «Динамо» был проведен кросс, посвященный празднованию годовщины Октябрьской революции [2, д. 12, л. 9]. Следует отметить, что к подготовке и празднованию советских праздников не только горожане, но и жители сельской местности всегда подходили с повышенной ответственностью. Особое значение приобрел восстановленный после оккупации обычай проводить митинги и массовые народные гуляния на такие праздники, как 1 Мая, 8 Марта, День Октябрьской революции [2, д. 11, л. 103-104; 4, д. 19, л. 134].

Характерной чертой послеоккупационной военной повседневности был всплеск религиозности среди населения, что объясняется желанием людей найти защиту от тяжелой в психологическом плане нагрузки военного времени. Во время Великой Отечественной войны советское правительство проводило либеральную политику по отношению к церкви, что привело к увеличению количества религиозных общин и их прихожан. Однако кампания по антирелигиозной пропаганде полностью не была прекращена, в первую очередь, это касалось западных районов, где сильные позиции имел костел, который оказывал серьезное влияние на большую часть населения. Реакцией на проводимую государством политику по отношению к религии являлись протестные настроения, которые имели значительное распространение особенно в западных районах. Так, ксендз г. Браслава во время проповеди в костеле призывал верующих сплотиться вокруг польского знамени и иметь в виду, что «мы живем временно под властью этих безбожников» [5, д. 21, л. 86]. Вместе с тем, в послевоенные годы традиционная религиозная культура не была вытеснена из сознания и поведения значительной части, прежде всего, сельского населения. Руководство районов сообщало в область об имевших место случаях, когда молодежь подавала заявления для вступления в комсомол и продолжала ходить в церковь, костел, а иконы висели даже в некоторых сельских советах [5, д. 20, л. 173; д. 322, л. 1]. Религиозные традиции сельского населения репродуцировались на бытовом уровне: сельчане продолжали отмечать памятные религиозные даты, среди которых наиболее важными оставались Пасха и Рождество.

Исследование доминирующих общественных настроений, определивших стратегию выживания послевоенного общества, позволяет констатировать, что восприятие повседневности жителями региона определялось особенностями послеоккупационного военного периода, характеризующегося противоречивыми тенденциями. С одной стороны, это преодоление последствий разрушительной войны, связанных с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. С другой стороны, это желание лучшей жизни, вера в светлое будущее, что обуславливалось психологическими причинами и поддерживалось правительственными мерами. Люди не могли быть настроены непозитивно, так как им удалось пережить огромное несчастье – войну, по сравнению с которой трудности послевоенной повседневности воспринимались как нечто временное и преодолимое. По воспоминаниям людей, проживавших в Витебской области в 1944–1945 гг., понимание общности трудностей и судеб, выпавших на долю всего населения СССР, подавляло негативные эмоции по отношению к окружающему бытию, обостряя чувство

долга, требуя подчинения личных интересов и настроений общим. Несмотря на низкий уровень жизни, основные настроения жителей региона определялись оптимистическими ожиданиями.

Заклучение. Таким образом, тяжелые социально-экономические условия послеоккупационной военной повседневности, острые проблемы в области питания и материального обеспечения отодвигали на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Однако, трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались основной частью населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Местные органы власти уже в послеоккупационный период войны прилагали усилия по воссозданию работы учреждений культуры и образования, которым придавалось большое значение в политико-моральном воспитании населения. Вместе с тем, прежде всего развитие образования и досуговой сферы являлись не только необходимой составляющей налаживания мирной жизни в регионе, но и осознавались как изменения к лучшему самим обществом, в сферу повседневности которого начинали включаться не только материальные, но и духовные ценности.

Список литературы

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 119-п. – Оп. 1.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 102-п. – Оп. 3.
3. Государственный архив Витебской области. – Ф. 10113-п. – Оп. 1.
4. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1-п. – Оп. 1.
5. Государственный архив Витебской области. – Ф. 10060. – Оп. 1.

СТАЛЫПІНСКАЯ АГРАРНАЯ І НОВАЯ ЭКАНАМІЧНАЯ: АГУЛЬНАЕ І АСАБЛІВАЕ

*М.М. Пархімовіч
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Усяго за першую чвэрць XX ст. на беларускіх землях былі зроблены спробы правесці дзве аграрныя рэформы: сталыпінскую і нэп (маецца на увазе яе аграрная частка). Сталыпінскую рэформу даследавалі Л.П. Ліпінскі, В.П. Панюціч, В.М. Фамін. Новую эканамічную палітыку – М.А. Бяспалая, Р.П. Платонаў, А.М. Сарокін. Частку выскоў, зробленых аўтарамі, мы падзяляем, з некаторымі – пагадзіцца не можам. Разам з тым, мы не збіраемся рабіць гістарыяграфічнага аналізу прац, прысвечаных згаданым рэформам. Наша мэта – параўнаць гэтыя аграрныя пераўтварэнні, выявіць іх агульныя рысы і паказаць разыходжанні.

Матэрыял і метады. Работа грунтуецца на надрукаваных дакументах, якія тычацца сталыпінскай рэформы і нэпа. У рабоце выкарыстаны агульнанавуковыя метады: рух ад канкрэтнага да абстрактнага і ад абстрактнага да канкрэтнага, метады сістэмнага і дыялектычнага аналізу. Аўтар абапіраўся таксама на спецыяльныя гістарычныя метады: гісторыка-параўнаўчы, гісторыка-генетычны, гісторыка-сістэмны. Выкарыстоўваўся намі і метады гістарычнай рэтраспекцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аграрную рэформу пачатку XX ст. называць “сталыпінская” не зусім правільна. Так, адно з важнейшых палажэнняў рэформы – ліквідацыя абшчыны – мела сваім аўтарам супрацоўніка МУС Расійскай імперыі У.І. Гурко. Таму правільна будзе лічыць П.А. Сталыпіна асобай, якая здолела сабраць у адзінае цэлае чужыя і ўласныя ідэі, звесці іх у пэўную сістэму і, нягледзячы на жорсткае супраціўленне “злева” і “справа”, дабівацца рэалізацыі. Сталыпінская аграрная рэформа не склалася ў адначасе. Асноўныя яе палажэнні фарміраваліся і дапаўняліся на працягу 1906–1911 гг.

Новую эканамічную палітыку таксама неправамерна лічыць “ленінскай”. Як і П. Сталыпін, У. Ленін аб’яднаў разам уласныя ідэі і чужыя думкі. У прыватнасці, замена харчраскладкі харчпадаткам, прапанаваная У. Леніным на X з’ездзе РКП(б), – ідэя Л. Троцкага. Апошні прапаноўваў зрабіць такі крок раней, у 1920 г. Як і сталыпінская аграрная рэформа, нэп склалася на працягу шэрагу гадоў.

Сталыпінская рэформа была адказам на выклік часу – першую расійскую рэвалюцыю. Аграрная рэформа, на думку П. Сталыпіна, павінна была ліквідаваць першапрычыну рэвалюцыі – беднасць, невуцтва, зямельныя “нестроенія”, стаць фундаментам новага сацыяльна-эканамічнага сялянскага ладу і захаваць манархію ў Расіі.